
ЭССЕ

(к 50-летию первого полета человека в космос)

П. ЛИНКЕ

КОСМОНАВТИКА КАК АРТЕФАКТ. О КОСМИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ*

«Человек – машина – космос» – так могла бы выглядеть новая триада человеческой эволюции, отвечающая на вызовы XXI века. Между тем у нас еще не выработалось бережное отношение к создаваемому нами же искусственному миру машин, о чем свидетельствует отсутствие реакции мировой общественности на варварское уничтожение отживших свой век космических аппаратов.

Ключевые слова: космос, искусственный интеллект, человек, машина, память, эволюция, культура.

Мы собрались сегодня по очень приятному и радостному поводу – 50-летнему юбилею полета Ю. А. Гагарина. Но есть и второе событие, менее радостное, – вторая круглая годовщина, которая привлекает к себе, по понятным причинам, меньшее внимание: я имею в виду затопление станции «Мир» десять лет назад, в марте 2001 года.

В этой связи, в контексте 50-летия первого пилотируемого полета в космос и вспоминая историю с «Миром», а также находясь как раз в этом замечательном музее, я хотел бы поставить вопрос таким образом: удалось ли нам сформировать за прошедшие десятилетия правильное отношение к космическим артефактам – мате-

---

* Из выступления на международной конференции «Человек – Земля – Космос: диалектика практической реализации технических и социальных утопий (к 50-летию первого полета человека в космос)» в Московском Мемориальном музее космонавтики 15 апреля 2011 года.

риальным свидетельствам истории космонавтики? Или, другими словами, сложилась ли в этой области историческая память, которая соответствовала бы специфике этих артефактов? Поскольку космический артефакт – вещь очень тонкая.

Одно дело – тубики с космической едой, скафандры и тому подобное. Их вполне возможно превратить в музейные экспонаты для вечного хранения. Совершенно другое дело – космические корабли, спутники, то, что либо превращается в так называемый космический мусор, либо сгорает, входя в атмосферу. Как относиться к этому своего рода конечному феномену? Этот вопрос имеет не только историческое значение, но и совершенно конкретное и практическое измерение. Но об этом чуть позже.

Сначала вернемся к событиям десятилетней давности вокруг станции «Мир». В тот момент в средствах массовой информации доминировало не предстоящее затопление орбитальной станции, а два других события. А именно: объявленное турецким правительством намерение затопить древний пещерный город Хасанкейф водами Илисунского водохранилища. Второе событие: угроза со стороны талибов уничтожить так называемые Бамианские статуи в Афганистане, в том числе самую большую в мире статую Будды. Мировая культурная общественность пришла в совершенное негодование по этим двум поводам. Однако эта общественность в то же самое время не проронила ни слова о том, что «сносу» подвергнется, возможно, важнейшее сооружение XX века – советско-российская орбитальная станция «Мир».

Это невежество недвусмысленно характеризует культурное состояние нашего мира: с тех пор как мы перестали интересоваться будущим, мы не видим никакой необходимости обращаться к прошлому. Разве кто-то еще желает преодолеть пропасть между прошлым и будущим? Быть актуальным – это извечное выражение западного интеллектуального стремления оставаться способным к утопии благодаря критически-конструктивному отношению к прошлому – превращается в ежедневно нарастающем потоке массмедийного реалити-мусора в неподъемную тяжесть. Кажется, что сбросить с плеч эту ношу можно, только если тщательно «заминировать» главный вход в прошлое, т. е. современность. «Заминировать» – путем сплошной виртуализации этой самой современности, манипуляции ею с помощью компьютерной мыши. При этом сохранение ее материального выражения превращается во второстепенную задачу: в качестве продукта промышленной культуры ее

можно воспроизвести в любой момент и в совершенном виде. Главное, чтобы мощность наших компьютеров была достаточной для того, чтобы обработать технические параметры этого продукта.

У такого стерильного обращения с современностью есть и обратная сторона. Это сверхэмоциональное отношение к прошлому. Материальная манифестация этого прошлого низводится до уровня изолированных, несущественных декораций для помпезного праздника, который многие современники ошибочно принимают за настоящую жизнь. Если такие декорации повреждаются, то это портит настроение праздника и поэтому не допускается. Убежденность в том, что любая материальная манифестация прошлого является уникальной и поэтому – по определению – достойной сохранения, представляет собой прямое выражение такого глубоко аисторичного сентиментальничания.

Орбитальная станция «Мир» образца 1986 года не менее уникальна, чем великий тысячелетний бамианский Будда. И то и другое – выдающиеся манифестации человеческого творчества. Так же, как великий Будда, «Мир» – это гораздо больше, чем кусок мертвого материала. Многочисленные международные экипажи придали станции индивидуальный облик, который не подлежит воспроизведению даже с использованием самых продвинутых 3D-технологий. Как талибы не имели права взрывать великого Будду, так и никто не имел права допустить, чтобы «Мир» просто сгорел. Даже при условии, что орбитальная станция устарела, хотя, судя по доступным мне источникам, это было вовсе не так. «Мир» является частью мирового культурного наследия, а потому должен был быть давно признан в этом качестве и финансироваться ЮНЕСКО. (Может быть, это можно сделать «посмертно»?..)

Разрушение станции стало очередной роковой победой реальности над актуальностью человеческого бытия, вехой на пути к тотальной виртуализации творческих сил человека. Первый более или менее постоянный приют человечества вне земного пространства оказался урезанным до нескольких информационных частичек в мировой паутине. Какой замечательный подарок нашему потомству!

По крайней мере, средства массовой информации могли тогда обратить на это внимание. Однако что можно ожидать от СМИ, которые в силу своей патологической «землецентричности» уделяют лишь несколько строк на последней странице такой, например, сенсационной информации, как достоверное обнаружение де-

сятков планет земного типа за пределами Солнечной системы. Неудивительно, что и станция «Мир» для них не могла быть чем-то большим, нежели 130 тоннами потенциального космического мусора, который, не дай бог, упадет нам на голову.

Возвращаюсь к поставленному в начале выступления вопросу о космическом измерении исторической памяти. Мой ответ неутешительный: мы мало продвинулись в этом деле. Разумеется, я далек от намерения упрекать в этом глубокоуважаемых работников музея космонавтики. Посмотрим на проблему с другой стороны: что скрывается за равнодушием, с которым люди восприняли «смерть» орбитальной станции? На мой взгляд, оно объясняется тем, что мы (пока) не научились «скорбеть по искусственному». Мы воспринимаем созданный нами мир машин, «машинный мир», как нечто отчужденное, не имеющее к нам прямого отношения. Мы не способны к эмпатии, не осознаем, что «машинный мир» усложняется нами, что влечет за собой новый вызов человеку.

Прежде всего это относится к космической технике, авангарду «машинного мира», катализатору продвижения в сторону того, что можно обозначить как искусственный интеллект, *alter ego* человека. Не только в фэнтези-литературе, но и в реальной жизни уже можно найти примеры эмоционализации отношений «человек – машина», «человек – робот». Человек начинает испытывать потребность в сохранении рядом с собой именно конкретного «робота», в случае поломки не менять его бесстрастно на анонимный аналог.

Но нам надо идти дальше. Необходимо новое качество эмпатии, сострадания. Возникла потребность рационализировать эмоциональное, «образумить» наши чувственные отношения со сложными машинными системами, с формами искусственного интеллекта. Это создает предпосылки для готовности человека к диалогу с машиной, преодолению разделяющей их «линии фронта», признанию в перспективе за машиной равноценности.

Это все, разумеется, музыка будущего. Но уже сегодня нам необходимо к этому готовиться. Что можно сделать сейчас? Кроме всего прочего, прекратить постоянно переписывать историю техники, наконец, определиться с тем, что немецкий историк Ханс Блуменберг называл *Geistesgeschichte der Technik* (гуманитарная история техники). Другими словами, попытаться понять, возникает ли и как возникает из определенного миропонимания и определенного позиционирования человека в этом мире Техническая Воля,

или, по-другому формулируя, почему и как человек все более сознательно делает своим пристанищем технику, а не природу. Такой подход приближает нас к устойчивому преодолению буйно расцветающей ныне технофобии: страха перед тем, что технический прогресс будет последовательно лишать человека его человечности. Не бойтесь машин! Они не враги, даже могут стать друзьями, новым обоснованием человечности за рамками привычных представлений... Прискорбно, что эту мысль приходится опять так очевидно формулировать в XXI веке.

Когда английский математик Алан Тьюринг придумал в 1950-е годы знаменитый эмпирический тест, демонстрирующий мыслительные способности машин, он вряд ли пытался доказать их превосходство над человеком. Скорее всего, он стремился побудить человека посоревноваться с машиной и развивать в этом соревновании свои способности. Или, говоря словами оксфордского философа Джона Лукаса: «Если нам не удастся предотвратить победу машин в тесте Тьюринга, то это произойдет не потому, что машины такие умные, а потому, что люди такие деревянные».

В соревновании с машиной человек способен достичь, особенно на огромном «нейтральном поле» космоса, небывалых высот. Человек – Машина/Искусственный интеллект – Космос – так могла бы выглядеть, на мой взгляд, новая триада человеческой эволюции как ответ на земные вызовы современности. Хотя у меня нет исчерпывающего объяснения, что мешает нам войти в те врата, которые 50 лет назад распахнул Юрий Алексеевич Гагарин.